

О неединстве «литературной»¹ нормы и ошибках кодификации: терминология свойства

В. И. Беликов,
свободный художник

*Шел муж с женой, брат с сестрой
да шурин с зятем: много ль всех?*

(Загадка из «темной области русской жизни»)

Вслед за В. А. Ицковичем я не раз писал, что норма объективна, а ее кодификация субъективна. Норма социальная, вот старое свидетельство Я. К. Грота: «в так называемом хорошем обществе бофферы и бельсеры еще не скоро уступят первенство шурям и зятям, невесткам и золовкам, которых названия переносят нас в слишком чуждую нам и темную область русской жизни»². Тут отмечено противопоставление двух основных для XIX в. систем свойства, одна имела французское происхождение (ФС), другая была традиционной (ТС, до начала XIX в. она была единственной, что нашло отражение в словаре³).

Однако социальная база ТС сформулирована Гротом неточно: многие представители «хорошего общества» были диглоссны, активно владея и ФС, и ТС, чему есть многочисленные подтверждения в художественных и мемуарных текстах. Редко покидавшие имения мелкопоместные дворяне пребывали в «темной области русской жизни»; они, а также духовенство, сельские и городские обыватели владели только ТС.

Но справедливо, что большая часть «хорошего общества» столиц к середине XIX в. пользовалась ФС, их знание ТС в целом можно назвать слабопассивным⁴, что не исключает вхождения отдельных традиционных терминов в пассивный и даже в активный словарь конкретных идиологмов. Однако ТС как система была чужда Пушкину, Одоевскому, Тургеневу, Л. Толстому, Достоевскому, историку В. О. Ключевскому и многим другим [Беликов 2020].

К началу XX в. элементы ФС постепенно проникают в разночинную и купеческую среду, хотя большинство русскоговорящих твердо владело лишь ТС. Но это большинство было крестьянами и мещанами, не оказывавшими воздействия на литературный язык.

Раннесоветские литературные тексты порождались как бывшими пролетариями (пользовавшимися ТС), так и теми, кто связь с «темной областью русской жизни» утратил, ср. наличие *деверя* у патриархального склада старика-крестьянина (Л. Леонов, «Вор», 1927) и писателя Агапенюва (М. Булгаков «Театральный роман», 1937).

В СССР межпоколенная передача ФС прервалась; урбанизация привела к появлению новых горожан, среди которых, с утратой большесемейных связей во втором, а особенно в третьем поколении, закрепляется лингвистически неинтересная новая система свойства с составными терминами типа *сестра жены* и *отец мужа*. В активном словаре остаются лишь отдельные элементы ТС, актуальные для конкретного индивида (в первую очередь именования родителей супругов), остальные уходят в пассивный и слабопассивный словарь. Позднесоветский узус хорошо иллюстрируют тексты В. С. Высоцкого: *чтобы я привез снохе / с ейным мужем по дохе*. В стандарте *ейный* (снохи) *муж* — **сын** рассказчика (или, в редком региональном варианте, **брат** [Беликов 2022], но детей у героя нет (иначе упоминались бы гостинцы им!), а *брату с бабой нужен кофе растворимый*); *сноха* здесь всего лишь «неопределенная неблизкая свойственница». Для слов другой песни — *А тот похож (нет, правда, Вань) / на шурина — такая же пьянь* — есть автопересказ болгарским слушателям (Велико-Тырново, 1975): *А один, — говорит, — как алкоголь! И он похож на нашего родственника, на твоего родственника!* [Скобелев 2015: 44—45].

¹ Кавычки в таком контексте я использую для обозначения комплекса идиомов, включающего варианты современного стандартного языка и русского литературного языка «от Пушкина до наших дней»; последний живет лишь в учебниках и справочниках, мумифицировавших это понятие. Ср. такую характеристику: «Язык художественной литературы воплощает (...) основные достоинства Л. я. данного народа» [Бельчиков 1979: 131; 1997: 221; 2020: 325]. От издания к изданию переоценки «основных достоинств» литературного языка не происходило. Но даже поверхностное знакомство с беллетристикой, публицистикой, официальными публичными выступлениями последних десятилетий убеждает, что язык значительной части этих текстов не отвечает формальным критериям бывшего литературного.

² Цит. по [Грановская 2005: 51]. Отношение Грота к единицам типа *бельсёр* и *боффер* неясно. Сомневаться в их принадлежности языку русской классики невозможно, однако в начале под редакцией Грота большим нормативном толковом словаре места им не нашлось: по алфавиту за *бельмесом* следует *бельэтаж*, за *боутом* («накладка на парусь для прочности») — *боцманмат* («второе унтерь-офицерское звание на военномъ суднѣ») [СРЯ 1891].

³ А именно: *деверь* «мужнинь братъ», *золовка* «сестра мужнина», *зять* «мужь дочернинь», *невтѣстка* «сыновняя или братняя жена», *свѣкорь* «относительно к женѣ: мужнинь отець», *свекрѣвь* «жена свекорова; мужнина мать», *своякъ* «мужь женниной сестры», *своячина* и *своячичница* «женнина сестра», *снохѣ* «сыновняя жена», *тѣсть* «отець женнинь», *тѣща* «мать женнина», *шурин* «родной братъ жены чьей либо» [САР, чч. 2—6, 1790—1794].

⁴ *Пассивный словарь* определяется как «совокупность лексических единиц, к-рые понятны носителю языка, но не употребляются им в спонтанной речи. Иногда П. с. в этом значении противопоставляется понятию „потенциальный словарь“ — словам, значений к-рых носитель языка не знает, но способен их установить, опираясь на внутреннюю форму слова или контекст». Примерами слов, перешедших к середине XX в. в пассивный словарь, служат *аэроплан* и *ревком*. [Арапов 1990: 369]. Большинство современных городских жителей и без опоры на контекст не спугают *шурина* и *жаворонка* (к потенциальному словарю их отнести нельзя), но отличие первого от *свояка* и *деверя*, а второго от *чибиса* и *коростеля* многим неизвестно; это и есть единицы *слабопассивного словаря*. У меня *коростель* в пассивном запасе, поскольку в активном — его менее частотный синоним *дергач*. Также в пассиве и *жаворонки*, но только те, которых пекут 22 марта, а птицу жаворонка я от чибиса не отличу, хотя кое-что о них знаю из вокальной классики: *жаворонок* — *звонкий*, а *чибис* — *кричит, волнуется, чудаки*.

Издание классиков требует комментирования ФС для современных читателей, но попытки комментаторов интерпретировать термины ФС в терминах ТС зачастую ошибочны. Ограничусь материалами курьезной публикации А. А. Бурыкина [2013], который приводит множество цитат без паспортизации, слепо доверяя пояснениям неназванных комментаторов. В одних случаях проверка требует повторения работы комментаторов. Выясняется, что «свояк» А. Ф. Керенского — его *шурин*, «свояк» А. Г. Коренева — его *зять*. Иногда комментарий противоречит школьным знаниям (если они сохранились): *Итак, это дело решенное: Фенечка будет моею... belle-soeur — свояченицей (франц.)* [Тургенев И. С. Отцы и дети]. Это говорит Павел Петрович Кирсанов брату Николаю. Но по православному обычаю братья на сестрах не женятся, Фенечка будет Павлу Петровичу *невесткой*. На ошибку может указывать контекст: *Умер М-г Clerc, beau-frere (деверь (франц.)) г-жи Богомолец* [Тургенев И. С. Автобиографические материалы] — «г-жа» должна была носить фамилию мужа, то есть ту же, что и «деверь». В действительности М-г Clerc был не *братом мужа*, а *мужем сестры* г-жи Богомолец, то есть *зятем*. Экзотичность же наличия *тестя* у графини Эстергази бросается в глаза [Бурыкин 2013: 243, 244, 248, 242, 241]. Авторы, употребивших в оригинале термины ФС (соответственно, ген. П. Н. Краснова, М. А. Волошина, И. С. Тургенева, кн. П. А. Вяземского), комментировали явно разные носители **литературного** языка. Использованные ими единицы ТС к *их* норме (и норме Бурыкина) отношения не имеют. Толкование *снохи* в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (а позднее в МАСе и БТС) не соответствует ТС, так что и у лексикографов это слово оказалось в слабопассивном словаре.

Сейчас однословные именованья удерживаются лишь для свойственников поколения +1, причем почти «безошибочно» употребляется только *тёща*⁵. Отнесение *шурьёв* и *зятьёв* к темной области русской жизни оказалось верным и через полтора столетия после Грота. Большинство наших современников используют ТС фрагментарно, ощущая, что многие *слова из области не самых близких семейных отношений (...)* чудовищно грубы — «сноха», «золовка», «шурин», «свекор» (А. Мелихов, «Чума»). А вот более категоричное суждение: *Степени родства в русском языке обозначаются какими-то полужверинными словами: деверь, свекровь, теща, сноха, свояченица. В голову лезут рогатины, ухваты и семейная дедовщина* (И. Беркович, «Радуга»).

Заведомо устаревшие *бельсёры* и *бофреры*, разумеется, слова русского языка, и для XIX — нач. XX века не менее нормативны, чем термины ТС, но их точный «перевод» в другой вариант литературного русского в общем случае невозможен: для носителей ФС они не были многозначны⁶, это всего лишь «неблизкий (-ая) свойственник (-ца) того же поколения». Такова же семантика и слабопассивных (но наиболее распространенных!) современных интерпретаций *золовок*, *деверьёв* и подобного.

Соответствующие сведения должны отражаться в словарях, что сделать сложно: если прежде социальный характер границы между ФС и ТС был достаточно выражен, то сейчас активное пользование ТС и слабопассивное знание отдельных ее элементов распределены идиолектно.

Комментаторам классических текстов, выражаясь современным стандартным языком, полезно *учить матчасть*; заключается она не только в выявлении родственных отношений персонажей, чьи связи комментируются, но и в знакомстве с кодифицирующими лексику изданиями. Лексикографам же надлежит кодифицировать не собственную норму, а реальные, часто в а р и а т и в н ы е, нормы общерусского языка — некогда литературного, теперь стандартного — в его историческом и социальном измерении.

Литература

- Арапов М. В. Пассивный словарь // ЛЭС. — М.: СЭ, 1990.
- Беликов В. И. *Бабариха* и русские системы свойствá // Русская словесность, 2020, № 3.
- Беликов В. И. Другая *сноха* и новая *невестка* // Родной язык. Лингвистический журнал. 2022, № 2.
- Бурыкин А. А. Из истории русских терминов свойства XIX—XX вв.: термины с компонентами *beau-* и *belle-* // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В. А. Попов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). — СПб.: МАЭ РАН, 2013. — Вып. 14.
- Бельчиков Ю. А. Литературный язык // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. — М.: СЭ, 1979; 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М.: СЭ, 1997; 3-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. А. М. Молдована. — М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
- Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. — М.: Элпис, 2005.
- САР: Словарь Академии Российской. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. Чч. 2—6, 1790—1794.
- Скобелев А. В. «Диалог у телевизора» (1973) // В поисках Высоцкого. Альманах. № 18, Апрель 2015, — Пятигорск: Изд. ПГЛУ, 2015.
- СРЯ: Словарь русского языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Вып. 1. А—Втасовывать. — СПб: Типографія Императорской Академіи наукъ. 1891.

⁵ *Тёща* в активном словаре поддерживается богатой фразеологией (*тёщин язык* в разных значениях, *тёщина комната*, *тёщина дорожка* и др.) и анекдотами, тем не менее, *её тёща* встречается в СМИ. А отец мужа нередко именуется *тестем* (в Журнальном зале ГИКРЯ на *её тестя* 8 примеров (авторы мужнины) на *её свек(о)р* — 26 (15 мужчин); впечатляет.

⁶ Точно так же, как русское *брат* не имеет значений ‘старший брат’ и ‘младший брат’. Но, например, в русско-узбекском словаре они должны проявиться — не как самостоятельные значения, а как элементы переводного эквивалента, поскольку target language не обладает единицей, соответствующей русскому *брат* (ср. статью в **Aka-uka Grimmlar** в узбекской Википедии, где *aka* ‘старший брат’ символизирует Якоба Гримма, а *uka* ‘младший брат’ — Вильгельма Гримма).

В дневниковой записи Тургенева *beau-frère* — не *деверь* и не *зять* г-жи Богомолец, а просто ее *beau-frère*, так же и *belle-soeur* в устах Павла Кирсанова не *свояченица* и не *невестка*, а просто *belle-soeur*; для попа («Поп», 1844) или «Моего соседа Радилова» (1847), жившего в «стареньком, сером домике с тесовой крышей и кривым крылечком», *belle-sœur*ы справедливо показались автору неуместными, но именуется она столь же неуместными для мужчин *золовками*. И *deveru* у Леонова и Булгакова, *шурин* у Высоцкого — это «*beau-frère*»ы, а не *деверь* и *шурин* из русского толкового словаря.